18+

Проспер де Барант

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477

Том 12

Проспер Барант

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477. Том 12

https://litres.ru/74757013
ISBN 9785007150118

Аннотация

Заключительный том истории Бургундского дома: рождение наследника Максимилиана, заговор Пацци, война за бургундское наследство, битва при Гинегате, Аррасский договор и угасание Людовика XI. Автор рисует короля как мастера дипломатии и одновременно тирана, чья подозрительность и жестокость разорили королевство.

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 5
Введение 5
Книга третья 32
Конец ознакомительного фрагмента. 76

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477
Том 12

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026
© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-5011-8 (т. 12)
ISBN 978-5-0071-5002-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том двенадцатый. — Мария Бургундская

Введение

Общий обзор третьей, четвёртой и пятой книг двенадцатого тома

Двенадцатый том «Истории герцогов Бургундских из дома Валуа» охватывает завершающий и, пожалуй, самый драматичный период в истории бургундского государства — время от рождения наследника герцога Максимилиана и Марии Бургундской до смерти короля Людовика XI и окончательного крушения бургундской державы. Три заключительные книги этого тома — Третья, Четвёртая и Пятая — образуют связное повествование, в котором переплетаются несколько магистральных сюжетных линий: борьба за бургундское наследство, сложная дипломатическая игра короля Людовика XI, внутренние противоречия в Нидерландах, итальянские дела и, наконец, личная трагедия короля, завершившаяся его смертью.

Ниже представлен обстоятельный обзор каждой из трёх книг с выделением ключевых событий, действующих лиц и исторических процессов.

Книга третья

Рождение наследника и заговор Пацци

Третья книга открывается событием, которое должно было укрепить династические позиции Бургундского дома: 22 июня 1478 года герцогиня Мария родила сына, названного Филиппом в честь доброго герцога Филиппа. Крёстной матерью стала вдовствующая герцогиня Маргарита, крёстным отцом — Адольф Клевский, сеньор де Равенштейн. Это событие на время отвлекло внимание от военных неурядиц и стало поводом для пышных празднеств в Брюгге.

Однако радость была недолгой. В это же время во Флоренции разворачивается один из самых знаменитых заговоров эпохи Возрождения — заговор Пацци. 24 апреля 1478 года, в день воскресной мессы, заговорщики напали на Лоренцо и Джулиано Медичи. Джулиано был убит на месте, Лоренцо спасся в ризнице. Заговор провалился, но его последствия оказались огромны: папа Сикст IV и король Неаполя Фердинанд встали на сторону заговорщиков и начали войну против Флоренции. Флорентийцы обратились за помощью к своим союзникам — Венеции, Милану и Франции.

Король Людовик XI, вовсе не желавший вмешиваться в итальянские дела и не имевший там территориальных притязаний, тем не менее был вынужден отреагировать. Фло-

рентийцы издавна были верными союзниками французской короны, и их поддержка входила в сферу интересов Франции. Кроме того, поведение папы, открыто поддержавшего преступный заговор, вызывало негодование. Король отправил сеньора де Коммина в Италию с поручением поддержать Флоренцию и герцогиню Миланскую, а также обратился с письмами к императору, герцогу Баварскому и другим государям.

Ордонанс 16 августа 1478 года и церковная политика

Особого внимания заслуживает ордонанс, изданный королём 16 августа 1478 года в Селомме near Блуа. Этот документ является ярким свидетельством того, как Людовик XI использовал церковные вопросы для достижения политических целей. В ордонансе король:

· Осуждает папу за поддержку заговора против Медичи;

· Указывает на опасность турецкой угрозы для Италии;

· Критикует использование церковных доходов на войны против христиан;

· Протестует против папских поборов (ожидательных булл, вакансий и т.д.);

· Запрещает вывоз денег из королевства в Рим.

Этот ордонанс стал основой для созыва ассамблеи духовенства в Орлеане в сентябре 1478 года. Ассамблея высказалась за созыв вселенского собора, возвращение к древним канонам и ограничение папских поборов. Таким образом,

король в очередной раз использовал галликанские свободы как инструмент давления на папу.

Дипломатическая изоляция Максимилиана

Параллельно король вёл активную работу по дипломатической изоляции герцога Максимилиана. В сентябре 1478 года он ратифицировал договор с Филиппом Савойским, графом де Бресс, который обязался служить королю против всех, включая Максимилиана. В октябре 1478 года был заключён мир с Кастилией: дон Фердинанд обязался не помогать Максимилиану. В декабре 1478 года умер старый король Арагона дон Хуан, и Фердинанд стал королём Арагона — таким образом, вся Испания оказалась в мире с Францией.

Король также продолжал платить английскому королю Эдуарду IV пятьдесят тысяч экю в год за продление перемирия. Однако англичане требовали всё новых уступок: они хотели, чтобы был обеспечен брак Елизаветы с Дофином, а также чтобы вдовья доля в шестьдесят тысяч франков была выплачена немедленно. Король, не желая связывать себя обязательствами, откладывал решение, ссылаясь на то, что его совет постановил: вдовья доля приобретается только по завершении брака.

Начало войны в Артуа и кампания в Бургундии

В 1479 году война возобновилась. 26 апреля 1479 года бургундцы захватили замок Сель перед Камбре, что стало открытым нарушением перемирия. Вслед за этим последовали захваты Кревкёра, Уази, Эна и других крепостей. Фран-

цузы под командованием маршала де Жье и сеньора д'Эскерда остановили наступление противника.

Однако главные события развернулись в Бургундии. В мае 1479 года сеньор д'Амбуаз вторгся в графство Бургундское. После ряда успешных осад он подошёл к Долю — главному городу графства. Осада Доля и его падение описаны Барантом с большим драматизмом: город был взят благодаря измене немецких наёмников, которые были подкуплены сеньором де Шомоном. После падения Доля все остальные города графства быстро открыли свои ворота. Безансон, свободный имперский город, предпочёл договориться. Король лично посетил Бургундию в июле 1479 года, торжественно вступил в Дижон и принёс клятву соблюдать вольности города.

Битва при Гинегате

Кульминацией Третьей книги является битва при Гинегате (Энкинегате), произошедшая в 1479 году. Барант подробно описывает подготовку к сражению, диспозицию войск, ход битвы и её последствия.

Армия герцога Максимилиана насчитывала около двадцати семи тысяч человек, включая фландрские ополчения, английских лучников, немецких аркебузиров и небольшое число жандармов. Армия французов под командованием сеньора д'Эскерда была меньше по численности, но включала тысячу восемьсот копий и четырнадцать тысяч лучников, а также многочисленную артиллерию.

Битва началась с атаки французов на позиции бургунд-

цев. Английские лучники нанесли серьёзный урон французам, но д'Эскерд сумел обойти левый фланг противника. Однако вместо того чтобы развить успех, французские жандармы бросились преследовать отступающих бургундских всадников, оставив пехоту без поддержки. Это позволило Максимилиану переломить ход сражения. Граф де Ромон отбил захваченную французами артиллерию и обратил французов в бегство.

Битва при Гинегате закончилась победой Максимилиана, но победа досталась дорогой ценой: почти все его жандармы были убиты или взяты в плен. Сам герцог проявил в сражении исключительную доблесть. Французы, в свою очередь, понесли тяжёлые потери, но их армия не была уничтожена. Король, узнав о поражении, был в ярости, но постарался представить дело как победу, чтобы не подрывать дух подданных.

Последствия битвы и реформа армии

После битвы король предпринял ряд мер по реформированию армии. Он упразднил десять рот ордонанса, но при этом постарался не оскорбить графа де Даммартена, которому написал примирительное письмо. Другие капитаны были менее удачливы: сеньор де Бальзак и сеньор де Муи были отданы под суд, но оправданы; капитан Ориоль и его лейтенант были обезглавлены за изменнические речи.

Король также ввёл новое правило: все пленные и добыча должны были сводиться в единый фонд и продаваться с аук-

циона, а вырученные деньги делиться поровну. Это должно было предотвратить беспорядок и грабежи на поле боя.

Захват Доля и судьба Ремонне д'Оссана

Отдельного упоминания заслуживает эпизод с захватом Доля и последующей казнью Ремонне д'Оссана, защитника замка Маланнуа. Ремонне сдался на милость победителя, но был повешен по приказу Максимилиана, что вызвало гнев короля. В отместку Людовик XI приказал Тристану l'Эрмиту повесить пятьдесят пленных в различных городах Артуа. Только Вольфганг де Польхейн, любимец Максимилиана, был спасён благодаря вмешательству короля.

Морская война и экономическое давление

Важным элементом Третьей книги является описание морской войны. Французский вице-адмирал Кулон захватил голландский и зеландский флот, возвращавшийся с сельдяного промысла, а затем и конвой с зерном из Пруссии. Эти удары нанесли серьёзный урон экономике Нидерландов и охладили желание фламандских городов продолжать войну.

Дипломатические усилия короля

Король продолжал активную дипломатическую деятельность. Он привлёк на свою сторону Савойю, Кастилию, Арагон, поддерживал союзные отношения с Англией. Он также вёл переговоры с Гелдерном, который восстал против Максимилиана. В январе 1480 года был заключён договор с Гелдерном, по которому герцогство и графство Зютфен обязались служить королю против всех, включая Максимилиана.

Внутренние проблемы Фландрии

Третья книга подробно описывает внутренние проблемы Фландрии. Штаты Фландрии, собравшиеся в Генте, отказали Максимилиану в помощи для защиты Люксембурга. Гентцы, обременённые налогами, не желали нести новые расходы. Это вызвало гнев Максимилиана, который пригрозил заключить мир с королём на любых условиях. В Генте вспыхнули волнения, связанные с введением габели на пиво; несколько человек были казнены, другие изгнаны.

Продолжение войны в Люксембурге

В конце Третьей книги описываются военные действия в герцогстве Люксембургском. Французская армия под командованием сеньора д'Амбуаза захватила Виртон и Ивуа. Бургундские капитаны не имели достаточных сил для сопротивления. Война приняла характер набегов и опустошений, от которых страдало мирное население.

Итоги Третьей книги

Третья книга завершается описанием тяжёлого положения Максимилиана: его армия ослаблена, финансы истощены, фламандские города отказывают в помощи, Гелдерн восстал, Голландия охвачена внутренними распрями. Король Людовик XI, напротив, находится в лучшем положении, чем когда-либо. Однако он уже начинает задумываться о мире, понимая, что война истощает и его собственное королевство.

Книга четвёртая

Легат кардинал де Сен-Пьер

Четвёртая книга открывается описанием дипломатических усилий короля по заключению мира. Людовик XI, задумавшись о мире, решил использовать для этого авторитет папского престола. Он добился назначения кардинала Джулиано делла Ровере (Сен-Пьер-эс-льен) легатом во Францию. Кардинал был племянником папы Сикста IV и уже имел от короля епископство Мандское.

14 июня 1478 года король издал декларацию, в которой, ссылаясь на необходимость урегулирования разногласий и предотвращения споров между папскими буллами и выборами ординариев, соглашался принять легата в королевстве со всеми почестями, но с оговоркой, что это не создаёт прецедента и не умаляет прав и привилегий французской короны и церкви.

Поездка вдовствующей герцогини в Англию

Параллельно вдовствующая герцогиня Маргарита Бургундская отправилась в Англию, чтобы укрепить союз между своим братом Эдуардом IV и герцогом Максимилианом. Она имела полномочия и инструкции от Максимилиана. Главной целью поездки было добиться отправки двух тысяч английских лучников, которые должны были получать жалованье из денег, взятых взаймы в Брюгге. Однако английский король, любивший деньги превыше всего, не спешил с решением. Он указывал, что брак его дочери Анны с Филиппом Австрийским разрушит брак его старшей дочери Елизаветы с Дофином, и что он потеряет пятьдесят тысяч экю, которые

давала ему Франция.

Прибытие легата во Францию

Легат прибыл во Францию в конце июля 1478 года. Ему был оказан торжественный приём. Однако его миссия потерпела неудачу: герцог Максимилиан отказался его принять. Бургундский совет, и особенно кардинал Сибеникский (нунций папы при герцоге) и епископ Турне, опасались, что легат действует в интересах короля Франции. Они нашли доказательство этого в том, что легат никогда не давал Максимилиану титула герцога Бургундского.

Письмо короля легату

Король был сильно разгневан отказом Максимилиана принять легата. В письме от 25 октября он сообщал кардиналу, что тот был предан ещё в Риме, что Сибенико и Турне действуют против него, и советовал отправить архиепископа Родосского в Рим, а также обратиться к гентцам, которые хотят мира и могут заставить Максимилиана принять легата. Король также советовал легату быть настороже, так как вдовствующая герцогиня могла велеть своим английским лучникам похитить его.

Освобождение Вольфганга де Польхейма

Отдельный эпизод Четвёртой книги посвящён освобождению Вольфганга де Польхейма, фаворита Максимилиана, взятого в плен при Гинегате. Король долго не соглашался его освободить, но в конце концов согласился обменять его на борзых собак, которых он хотел получить от сеньора де Бос-

сю. Этот эпизод ярко характеризует как самого короля, так и нравы эпохи.

Освобождение кардинала Балю

Важным событием Четвёртой книги является освобождение кардинала Балю, который провёл двенадцать лет в железной клетке. Легат кардинал де Сен-Пьер ходатайствовал за него перед королём. Король согласился освободить кардинала, но с оговорками: он должен был быть передан легату и папской юрисдикции. Освобождение Балю стало одним из последних актов короля в отношении церковных дел.

Состояние словесности при Людовике XI

Четвёртая книга содержит обширный экскурс в интеллектуальную жизнь эпохи. Барант описывает состояние Парижского университета, который насчитывал восемнадцать коллежей и десять-двенадцать тысяч школяров. Он рассказывает о споре между реалистами и номиналистами, который вспыхнул с новой силой около 1470 года. Реалисты, к которым принадлежал исповедник короля Жан Букар, епископ Авраншский, добились издания королевского эдикта 1474 года, запрещавшего преподавание номиналистов. Книги Оккама, Буридана, Пьера д'Айи и других номиналистов были изъяты и заперты в библиотеках на семь лет.

Учреждение книгопечатания во Франции

Барант подробно описывает начало книгопечатания во Франции. В 1470 году три немецких рабочих — Ульрих Геринген, Мартин Крантц и Мишель Фрибургер — по при-

глашению Гийома Фише, профессора Сорбонны, основали первую типографию в коллеже Сорбонны. Три года спустя Пьер Сезарис и Жан Столл основали вторую типографию. Барант рассказывает о трудностях, с которыми столкнулись первые печатники, и о том, как король, узнав о смерти Германа Статерена, агента майнцских печатников, конфисковал его книги, но затем, по ходатайству императора и курфюрста Майнцского, согласился выплатить Шефферу и Ганслиху две тысячи четыреста двадцать пять золотых экю за их книги.

Реформы, задуманные королём

В Четвёртой книге описываются реформаторские замыслы короля. Людовик XI, отказавшись от войны, обратил свои мысли на благо королевства. Он хотел:

· Собрать и унифицировать обычаи провинций;

· Ввести единую монету, единый вес и единую меру;

· Улучшить правосудие и ограничить злоупотребления адвокатов;

· Реформировать армию.

Однако эти замыслы остались в значительной степени неосуществлёнными из-за ухудшающегося здоровья короля и его растущего недоверия.

Недоверие короля и его образ жизни

Четвёртая книга содержит яркое описание образа жизни короля в замке Плесси. Король окружил себя укреплениями, решётками, рвами и чесноками. Более восемнадцати сотен

чесноков были разбросаны по склонам рва. Четыреста арбалетчиков несли ежедневную службу. Любой подозрительный прохожий был схвачен и приведён к прево Тристану, который тотчас приказывал его казнить. Деревья вокруг замка были увешаны трупами повешенных.

Король почти никого не принимал. Он жил с лучниками и камердинерами, часто их менял, то из недоверия, то чтобы дать почувствовать свою власть. Он боялся, что его сочтут мёртвым или неспособным управлять. Он также боялся показываться на люди из-за своей крайней худобы и изможднного вида.

Реформа франк-лучников

Важной реформой, описанной в Четвёртой книге, была замена франк-лучников швейцарскими наёмниками. Король распустил франк-лучников и ввёл налог в четыре ливра десять су в месяц с каждого прихода. На эти деньги он набрал швейцарцев. К началу 1481 года у него было более восьми тысяч швейцарцев.

Приступ апоплексии

В марте 1481 года король перенёс первый приступ апоплексии. Это произошло в деревне Сен-Бенуа-дю-Лак-Мор near Шинона. Король потерял речь и сознание. Его подняли из-за стола и поднесли к огню. Прибывший врач Анджело Като велел открыть окна. Через некоторое время сознание и речь вернулись. Король был перевезён в Форже, затем в Плесси. Он приказал прогнать тех, кто удерживал его, когда

он хотел подойти к окну, — среди них Жака д'Эпине, сеньора д'Юссе, и сеньора де Шампру.

Вторая рота гвардии

После болезни король создал вторую роту гвардии, подобную шотландской, и дал ей капитаном Клода де ла Шатра, бывшего сторонника герцога Гиеньского. Этот эпизод ярко характеризует методы правления короля: он умел привлекать к себе людей, ранее ему враждебных.

Большие дни в Оверни

Четвёртая книга описывает Большие дни в Оверни — судебную ассамблею, созванную в Монферране. Это было сделано по инициативе Жана Дойя, который стал фаворитом короля и губернатором Оверни. Дойя хотел отомстить герцогу Бурбонскому, своему бывшему господину. Большие дни должны были продемонстрировать власть короля над герцогом.

Процесс против графа дю Перша

Важным эпизодом Четвёртой книги является процесс против графа дю Перша, сына герцога Алансонского. Граф был арестован по подозрению в намерении бежать из королевства и вступить в сношения с врагами короля. Он был заключён в железную клетку в Шиноне, где провёл двенадцать недель. Процесс вёл комиссары, назначенные королём. Однако доказательств измены не было найдено. Дело было передано в Парламент, который проявил твёрдость и не вынес обвинительного приговора.

Ненависть короля к обычному правосудию

Барант подчёркивает, что король питал глубокую ненависть к обычному правосудию. Он предпочитал expedited justice, основанное на его личной воле. В письмах к канцлеру он требовал немедленной расправы над мятежниками и не допускал вмешательства Парламента. Он также приказывал приводить к нему подозреваемых связанными и стреноженными, чтобы устроить им «свадьбу с виселицей».

Переговоры с Бретанью

Четвёртая книга описывает сложные отношения короля с герцогом Бретонским. Герцог продолжал интриговать против короля, но при этом боялся его. Он отправил посольство к королю, которое было принято с холодностью. Король отказался обсуждать главные разногласия и ограничился мелкими уступками.

Король наследует Прованс

Важнейшим событием Четвёртой книги является смерть Шарля дю Мэна, графа Прованского, 11 декабря 1481 года. Шарль дю Мэн завещал Прованс королю Людовику XI. Таким образом, король стал наследником Прованса. Это приобретение было результатом многолетней дипломатической работы Паламеда де Форбена.

Герцог Савойский привезён в Лион

В Четвёртой книге также описывается, как король привёз в Лион юного герцога Савойского Филиберта, чтобы контролировать Савойю. Однако Филиберт вскоре умер, и король

передал герцогство его брату Шарлю.

Смерть сеньора д'Амбуаза

В конце Четвёртой книги описывается смерть Шарля д'Амбуаза, который управлял Бургундией от имени короля. Он умер в Туре, и король искренне его оплакивал.

Итоги Четвёртой книги

Четвёртая книга охватывает период с 1478 по 1481 год. Она показывает, как король, несмотря на ухудшающееся здоровье и растущее недоверие, продолжал укреплять свою власть. Он приобрёл Прованс, укрепил контроль над Бургундией и Савойей, поддерживал мир с Испанией и Англией. Однако его здоровье rapidly ухудшалось, и он всё больше замыкался в себе.

Книга пятая

Смерть герцогини Марии

Пятая книга открывается описанием чувств фламандцев к герцогу Максимилиану, которые становились всё более враждебными. Максимилиан был легкомыслен, беспечен, думал больше об охоте и пирах, чем об интересах страны. Он тратил много денег, но не получал их из Германии, так как его отец был скуп. Фламандские города всё больше разочаровывались в нём.

Кульминацией этого разочарования стала смерть герцогини Марии 27 марта 1482 года. Мария, которая за четыре года замужества приобрела любовь фламандцев своей кротостью и добротой, умерла после падения с лошади на охоте.

Её смерть вызвала всеобщую скорбь. Двое детей — Филипп и Маргарита — остались на попечении гентцев.

Переговоры короля с гентцами

Король Людовик XI, узнав о смерти Марии, сразу понял, какую выгоду он может извлечь из создавшегося положения. Он уже был в сношениях с фламандскими городами, особенно с Гентом. Его агенты — М. д'Эскерд, мэтр Оливье, Гийом де Клюни — вели тайные переговоры с влиятельными горожанами, среди которых были Гийом Рим и Копеноле. Король предложил брак Дофина с Маргаритой Австрийской, что должно было обеспечить мир.

Герцог Максимилиан лишён опеки

Штаты Фландрии, собравшиеся в мае 1482 года, отказали Максимилиану в опеке над его детьми или обставили её суровыми условиями. Штаты Брабанта также не признали за ним права на опеку. Максимилиан попытался силой утвердить свою власть, казнив нескольких влиятельных бюргеров, но это лишь ухудшило его положение.

Взятие Эра

В Пятой книге описывается взятие города Эр французами. Сеньор де Коген, командовавший гарнизоном, согласился сдать город, но потребовал, чтобы его осадили для видимости. М. д'Эскерд и маршал де Жье осадили Эр и после восьми дней бомбардировки заключили договор. Гарнизон получил разрешение выйти с оружием, а Коген — большую сумму денег.

Убийство епископа Льежского

Одним из самых драматичных эпизодов Пятой книги является убийство Луи де Бурбона, епископа Льежского. Епископ, который был двоюродным братом короля Франции и дядей герцога Австрийского, находился в конфликте с Гийомом д'Арембергом, прозванным Арденнским Вепрем. Аремберг, пользовавшийся поддержкой короля Франции, собрал отряд и напал на Льеж. Епископ был убит Арембергом собственноручно. Это преступление вызвало всеобщее негодование в христианском мире. Брабантцы и знать Намюра быстро собрались и изгнали Аремберга из страны Льеж.

Война в стране Льеж

Война в стране Льеж продолжалась. Армия под командованием графа де Ромона, графа Нассауского и других капитанов осадила Льеж. Однако город защищался, и война затянулась. В конце концов был заключён мир, по которому Аремберг получил значительные выгоды.

Инструкция короля Дофину

Важнейшим документом Пятой книги является инструкция, данная королём Дофину в Амбуазе 21 сентября 1482 года. Король, чувствуя приближение смерти, решил передать сыну свои наставления. Он говорил о необходимости любить благо королевства, сохранять должности и offices за верными служителями, не менять их без достаточных оснований. Он привёл в пример собственный опыт: когда он вступил на престол, он сместил многих верных служителей своего отца,

что привело к войне общего блага. Король также рекомендовал Дофину доверять М. дю Бушажу, сеньору Ги По, М. д'Эскерду, мэтру Оливье и Жану Дойя.

Клятва герцога Орлеанского

Король также заставил герцога Орлеанского, своего зятя, принести торжественную клятву верности Дофину. Герцог обязался служить Дофину, когда тот взойдёт на престол, не заключать никаких союзов, не вступать в предприятия против правительства и раскрывать всё, что могло быть замышлено против короля.

Состояние королевства

Пятая книга содержит обширный анализ состояния королевства при Людовике XI. Барант описывает бедственное положение народа, обременённого налогами. Военные расходы достигли четырёх миллионов семисот тысяч франков в год, что было в три раза больше, чем при Карле VII. Люди войны не соблюдали дисциплины и грабили население. Многие крестьяне бежали из королевства, некоторые убивали свои семьи и себя. Сборщики налогов чинили произвол.

Возражения архиепископа Турского

Архиепископ Турский Эли де Бурдейль, самый уважаемый прелат королевства, попытался сделать королю возражения о бедственном положении народа и о неподобающем обращении с духовенством. Король принял эти возражения крайне враждебно и велел канцлеру отчитать архиепископа. Однако впоследствии король всё же смягчил свою политику

в отношении некоторых прелатов.

Твёрдость Парламента

Парламент проявил твёрдость в нескольких случаях. Когда король издал эдикт о запрете вывоза зерна, не зарегистрировав его в Парламенте, это вызвало голод в Париже. Парламент отправил делегацию к королю. Президент Жан де Ла Вакри обратился к королю с речью, в которой указал на бедствия, причиняемые его эдиктами. Король, разгневанный, стал угрожать, но президент ответил: «Сир, мы слагаем наши должности в ваши руки и претерпим всё, что вам будет угодно, скорее чем оскорбить нашу совесть». Король уступил и велел открыть амбары.

Переговоры о мире и Аррасский договор

Пятая книга подробно описывает переговоры, завершившиеся подписанием Аррасского договора 23 декабря 1482 года. Главным условием договора был брак Дофина с Маргаритой Австрийской. В приданое Маргарите давались графства Артуа и Бургундское, сеньории Макон, Осер, Салин, Бар-сюр-Сен и Нуайе. Король отказывался от притязаний на Лилль, Дуэ и Орши. Договор также включал статьи о возврате конфискованных имуществ, амнистии, свободной торговле и судоходстве.

Ослабление короля

После заключения Аррасского договора король вернулся в Плесси, где его здоровье продолжало ухудшаться. Он больше не выходил из замка, не мог ездить на охоту. Его един-

ственным развлечением было стоять в галерее, ведущей в часовню. Он велел привозить к нему музыкантов, пастухов и пастушек, экзотических животных. Он также велел ловить мышей в замке маленькими собачками.

Посольство фламандцев к королю

В январе 1483 года фламандское посольство прибыло в Плесси, чтобы получить ратификацию Аррасского договора. Король принял их в плохо освещённой комнате, сидя в кресле. Он не мог встать и приветствовать их. Он принёс клятву, держа Евангелие левой рукой, так как правая была парализована. Послы были поражены контрастом между пышностью Парижа и убожеством Плесси.

Смерть короля Эдуарда

В Пятой книге описывается смерть короля Англии Эдуарда IV, последовавшая в 1483 году. Его смерть была приписана огорчению из-за отказа Франции от брака его дочери с Дофином. После его смерти герцог Глостерский захватил корону и убил своих племянников. Король Людовик отказался признать его и не принял его посла.

Наследство Наварры

Пятая книга описывает события в Наварре. Франциск Феб, король Наварры, умер в 1483 году в возрасте пятнадцати лет, оставив наследницей свою сестру Екатерину. Король Людовик поддержал Екатерину против её дяди, виконта Нарбоннского, который претендовал на корону. Впоследствии Екатерина вышла замуж за Жана д'Альбре и принесла

в этот дом королевство Наваррское.

Итальянские дела

В Италии продолжались войны. Папа пытался вовлечь короля в свои дела, предлагая ему инвеституру на королевство Неаполь. Однако король, ослабленный болезнью, не мог думать о таких далёких предприятиях. Он отправил посольства в Милан, Неаполь и Венецию, но не предпринял никаких решительных действий.

Брак Дофина

В Пятой книге описывается брак Дофина и Маргариты Австрийской. Маргарита была привезена во Францию, и 23 июня 1483 года состоялась церемония помолвки. Король хотел, чтобы торжество было достойно отпраздновано. Все добрые города королевства отправили депутатов, знать собралась в большом числе. Однако король был так слаб, что не мог присутствовать на празднествах.

Крайнее недоверие короля

Недоверие короля достигло крайних пределов. Он подозревал даже своего зятя, сеньора де Боже, в котором видел соперника. Однажды, когда сеньор де Боже и граф де Дюнуа приехали в Плесси с новостями, король, увидев их многочисленную свиту, велел капитану гвардии проверить, нет ли у слуг оружия под одеждой.

Немилость канцлера

Король отстранил от должности канцлера Пьера Дориоля, который вызывал его недовольство своей приверженно-

стью обычному правосудию. На его место был назначен Гийом де Рошфор, бывший советник герцога Бургундского. Король часто больше доверял тем, кто предал своего прежнего господина, чем своим старым служителям.

Жак Койтье, врач короля

Пятая книга описывает Жака Койтье, врача короля, который обращался с ним с грубой резкостью и извлекал из этого огромные выгоды. Койтье получал десять тысяч экю в месяц, владел множеством сеньорий и был назначен первым президентом Счётной палаты. Король, который всю жизнь держал в повиновении стольких людей, унижался перед этим грубияном.

Благочестие короля

В Пятой книге описывается благочестие короля, которое в последние годы приняло формы, граничащие с суеверием. Он окружал себя святыми образами и реликвиями, делал богатые вклады в церкви и монастыри. Он призвал в Плесси святого Франциска Паоланского, основателя ордена минимов, чтобы тот своими молитвами продлил ему жизнь. Он также велел привезти Святую Ампулу из Реймса, чтобы совершить повторное миропомазание.

Смерть короля

Король умер 30 августа 1483 года в Плесси. За несколько дней до смерти он исповедался и принял таинства. Он говорил о своих похоронах, о гробнице, которую хотел в Нотр-Дам-де-Клери. Он также дал последние наставления относи-

тельно королевства и своего сына. Он умер спокойно, повторяя молитвы. Его смерть была встречена в королевстве с всеобщим облегчением.

Что думали о короле после его смерти

Пятая книга завершается анализом того, как оценивали Людовика XI после его смерти. Барант показывает, что мнения разделились. Те, кто был близок к королю, восхищались его умом, знанием людей и дел, его хитростью и умением достигать целей. Они прощали ему жестокости, считая их необходимыми. Те, кто не был к нему близок, видели в нём тирана, разорившего королевство. Барант приводит слова из «Розария войн», написанного по приказу короля для Дофина: «Когда короли не обращают внимания на закон, они отнимают у народа то, что должны ему оставить, и не дают ему того, что он должен иметь; поступая так, они делают свой народ рабом и теряют имя короля; ибо никто не должен называться королём, кроме того, кто правит свободными».

Итоги Пятой книги

Пятая книга завершает историю Людовика XI и бургундского наследства. Она показывает, как король, несмотря на болезнь и приближение смерти, сумел добиться своих главных целей: заключить выгодный мир, обеспечить брак Дофина с Маргаритой Австрийской и получить значительную часть бургундского наследства. Однако цена этих успехов была огромна: разорённое королевство, обедневший народ, наполненные тюрьмы и всеобщая ненависть. Книга заверша-

ется размышлением о том, что история Людовика XI — это пример того, как выдающийся ум и политическая ловкость могут сочетаться с жестокостью и несправедливостью, и что суд истории не всегда совпадает с судом современников.

Общие выводы

Три заключительные книги двенадцатого тома «Истории герцогов Бургундских» образуют единое повествование, в котором переплетаются несколько магистральных сюжетных линий:

1. **Борьба за бургундское наследство.** После смерти Карла Смелого его дочь Мария и её муж Максимилиан пытались сохранить целостность бургундской державы. Однако Людовик XI, используя дипломатию, подкуп и военную силу, сумел отторгнуть значительную часть наследства: графство Бургундское, Артуа, Пикардию. Окончательное крушение бургундской державы было закреплено Аррасским договором 1482 года.

2. **Дипломатическая игра короля.** Людовик XI показан как мастер дипломатии, который умело использовал противоречия между своими противниками, подкупал советников, плел интриги и добивался своих целей без больших сражений. Его девизом можно считать слова: «Divide et impera» — разделяй и властвуй.

3. **Внутренние проблемы Нидерландов.** Фландрские города, особенно Гент, играли сложную и противоречивую роль. Они ненавидели французского короля, но ещё больше

ненавидели своих сеньоров. Они хотели мира, но не хотели платить за него. Их постоянные конфликты с Максимилианом ослабляли бургундскую державу и облегчали задачу Людовика XI.

4. **Итальянские дела.** Заговор Пацци и последовавшая за ним война показали, что Италия была ареной сложных политических игр, в которых папа, Флоренция, Венеция, Милан и Неаполь боролись за влияние. Людовик XI, не имея территориальных притязаний в Италии, тем не менее был вовлечён в эти дела как защитник Флоренции и союзник Милана.

5. **Личная трагедия короля.** Последние годы Людовика XI — это история физического и духовного угасания. Король, который всю жизнь боролся за власть и могущество, в конце жизни оказался пленником собственного недоверия и страха смерти. Его окружение составляли грубые и корыстные люди, а его благочестие приняло формы, граничащие с суеверием.

6. **Интеллектуальная жизнь эпохи.** Барант уделяет значительное внимание состоянию университетов, спору реалистов и номиналистов, началу книгопечатания. Эти сюжеты показывают, что эпоха Людовика XI была не только временем войн и политических интриг, но и временем интенсивной интеллектуальной жизни.

7. **Состояние королевства.** Барант рисует мрачную картину французского королевства при Людовике XI: разорён-

ные деревни, обедневший народ, произвол сборщиков налогов, наполненные тюрьмы. Эти описания являются важным историческим свидетельством и объясняют, почему смерть короля была встречена с облегчением.

Таким образом, три заключительные книги двенадцатого тома представляют собой не только историю политических событий, но и глубокий анализ эпохи, её нравов, идей и противоречий. Они показывают, как выдающийся политик может добиться успеха ценой огромных жертв, и как суд истории может быть суровее суда современников.

Книга третья

Рождение эрцгерцога Филиппа. — Заговор Пацци и итальянские дела. — Переговоры. — Разрыв перемирия. — Завоевание графства. — Битва при Гинегате. — Король и герцог Максимилиан помышляют о мире.

Пока велись переговоры о перемирии, госпожа герцогиня Мария 22 июня 1478 года родила сына. Это было великим поводом для радости во всей Фландрии, и в Брюгге, где она тогда находилась, были устроены пышные празднества. Госпожа Маргарита, вдовствующая герцогиня, была выбрана крёстной матерью; крёстным отцом был г-н Адольф Клевский, сеньор де Равенштейн; и ребёнок был назван Филиппом в память о добром герцоге Филиппе, чья память была столь велика во всех странах бургундского владычества.

Герцог, хотя и находился совсем близко, не покинул свою армию ради крестин; но как только перемирие было заключено, он вернулся к госпоже Марии, и её очищение после родов было отпраздновано самыми прекрасными торжествами.

Тем временем король возвращался во Францию. Он проехал near Парижа, не входя, однако, в город. Говорили, что там царила какая-то заразная болезнь; впрочем, он всё более и более выказывал дурное расположение к парижанам. Свобода их речей ему не нравилась; он чувствовал себя более свободным [1] управлять своими делами по своему усмотре-

нию и вести образ жизни, который ему подходил, когда был вдали от столь большого города.

В этом самом году у него снова был повод быть недовольным жителями Парижа. Около апреля месяца кордельер [2] по имени брат Антуан Фраден, уроженец Вильфранша в Божоле, приехал туда проповедовать. Это был человек великого красноречия и твёрдого мужества. Он говорил с силой против всех пороков времени и беспорядка нравов; никакое сословие не было пощажено, и он был более смел против великих, чем против малых. Народ толпами ходил на его проповеди. Многие женщины изменили свою мирскую жизнь, а некоторые даже ушли в монастыри. Некоторые мужчины также исправлялись и отказывались от удовольствий. Брат Антуан не ограничивался разговорами о грехах, совершённых частными лицами; он столь же громко порицал общественные злоупотребления, плохое правосудие, управление короля, поведение принцев и сеньоров; он говорил, что у короля дурные служители, которые погубят его и его королевство. Чем больше он так проповедовал, тем больше был наплыв.

Как только король узнал обо всём этом, он немедленно отправил мэтра Оливье, своего брадобрея, чтобы навести порядок. Брату Антуану было запрещено продолжать свои проповеди. Но толпа не переставала собираться в монастыре кордельеров. Его умоляли проповедовать ещё, говоря, что сумеют его защитить и уберечь от всякого оскорбления; жен-

щины приходили с ножами, спрятанными под платьем, или с камнями в карманах, чтобы расправиться с любым, кто захотел бы ему навредить и помешать говорить. Но были опубликованы под звуки трубы на всех публичных площадях старые ордонансы, запрещавшие жителям Парижа собираться без разрешения короля или его правосудия. Добавлялось, что в нарушение этих ордонансов несколько человек собирались днём и ночью у кордельеров под предлогом защиты брата Антуана, который в этом вовсе не нуждался, поскольку никакого дурного обращения с ним не было и его лишь допросили от имени короля. Соответственно, было запрещено под угрозой конфискации тела и имущества собираться у кордельеров, и мужьям было поручено препятствовать своим жёнам туда ходить. Но народ был так увлечён проповедями брата Антуана, что эти публикации осмеивались; их называли глупостями, говоря, что король об этом ничего не знает.

Тогда Жан Ле Буланже, первый президент, и Дени Эсселен, гофмейстер короля, отправились в монастырь, объявили брату Фрадену, что он навсегда изгнан из королевства, и приказали ему немедленно уйти. Когда он выходил, народ толпился вокруг него, выказывая крайнее огорчение и большое недовольство. Его проводили далеко за ворота города. По этому поводу были сложены следующие стихи, которые повторялись на улицах:

Могущественный благородный Буланже,
Эсселен и брадобрей

Изгнали доброго кордельера.

Король, оставив thus Париж в стороне, вернулся в свой замок Плесси, где охранял себя с всё большим недоверием; так что, чтобы иметь более спокойное и безопасное пребывание, чтобы никто не входил туда без его приказа, он поместил Дофина в замке Амбуаз, не заботясь особенно о его воспитании, и отправил королеву жить в Дофине [3].

Всё, казалось, действительно располагало его ум к тому, чтобы стать печальным и боязливым. Каждый год делал его более доверчивым ко злу, более недоверчивым ко всякой верности, ко всякой привязанности. Незадолго до этого, некоторое время перед тем как покинуть свою фландрскую армию, он снова получил откровение о заговоре против его жизни.

Пока сеньор дю Бушаж был в Бурже, куда король отправил его наказать и успокоить новый бунт, к нему пришёл неизвестный, говоря, что имеет сообщить ему великие тайны, касающиеся спасения короля [4]. Этот человек был аптекарем из Клермона в Оверни; он шёл, говорил он, в Италию, чтобы снова увидеть старого хозяина, которому когда-то служил. Люди принца Оранского арестовали его в Нантюа и привели к этому сеньору, который, видя в нём бедного авантюриста, ищущего fortune, предложил ему способ заработать много денег. После нескольких переговоров принц, проникшись к нему доверием, поручил ему отравить короля и взял с него клятву на распятии; затем он вручил ему оловянную флягу.

«Король, — сказал он ему, — каждый день ходит к мессе и имеет обыкновение благоговейно целовать землю near угла алтаря. Нужно будет обмакнуть конец свечи в эту жидкость, ибо касаться её рукой смертельно, затем натереть ею места, где король должен приложиться губами».

После этого наставления принц Оранский счёл, что в своём заговоре будет лучше обслужен другим человеком, которого ему указали; и чтобы тайна не была выдана, он запер аптекаря; его служители даже хотели его утопить. Сумев убежать, он поспешил раскрыть преступные замыслы принца Оранского.

Сеньор дю Бушаж велел составить весьма правильный протокол всех показаний этого человека и отправил королю это начало процедуры. Король тотчас переслал его в Парламент следующим письмом, где выражался о принце Оранском насмешливо и простонародно.

«От имени короля: наши возлюбленные и верные, принц Тридцати Денье хотел нас отравить; но Бог, Богоматерь и монсеньор Святой Мартин от этого нас сохранили и уберегли, как вы увидите из копии дознания, которое мы вам посылаем, чтобы вы велели прочитать его в открытом зале перед всем миром, и чтобы каждый узнал о великой измене и злодействе вышеупомянутого принца. Дано в Камбре, 6 июня».

Этому делу не было дано никакого другого продолжения, и рассказу этого человека, который король принял или сделал вид, что принял так близко к сердцу, поверили мало. Как

бы то ни было, никогда король не считал, что должен столько признательности Богу, Богоматери и святым, или что так нуждается в их защите. Его дары церквям становились с каждым днём богаче. По возвращении из Фландрии, помимо великолепия, которое он предписал для Нотр-Дам-де-ла-Виктуар и Нотр-Дам-де-Клери, он велел покрыть серебряными пластинами раку святого Фьякра; он велел сделать серебряную решётку для Сен-Мартен-де-Тур и серебряную раку для святой Марфы в Тарасконе. Не хватало денег, чтобы отлить все эти украшения, и король не хотел терпеть никакой задержки. Комиссары были обязаны изъять всю посуду в Париже и добрых городах [5], обещая хорошо за неё заплатить; но большинство не доверяло этому и прятало своё серебро; так что даже на свадебных пирах видели только кувшины и кубки из стекла.

Жили тогда во времена жестокости и измены: в Италии только что вспыхнул новый и кровавый заговор. Медичи, эти знаменитые флорентийские банкиры [6], уже около ста лет становились всё более могущественными в своей стране; именно они управляли правительством республики. Особенно в этот момент Лоренцо и Джулиано Медичи благодаря своим богатствам, власти, влиянию на народ казались скорее правящими, как государи, чем как магистраты. Во Флоренции была другая, более знатная и почти столь же богатая семья, называемая Пацци, и их зависть к Медичи ещё усиливалась из-за отстранения от должностей и дел.

Италия была разделена на две партии: с одной стороны, флорентийцы, венецианцы и герцог Миланский; с другой — папа и король Неаполя. Таким образом, все недовольные во Флоренции находили убежище и поощрение в Риме. Именно на глазах у папы Пацци составили заговор против Медичи. Франческо Сальвиати, которого папа назначил архиепископом Пизы и которому синьория Флоренции не позволила вступить во владение своей кафедрой, был не менее ревностен, чем Пацци, в желании мести.

Они долго всё устраивали для осуществления своих замыслов. Они ждали случая убить одновременно и в один момент Лоренцо и Джулиано; ибо Медичи пользовались таким расположением среди флорентийцев, что если бы убили только одного из двух, другой легко отомстил бы за его смерть и сохранил власть.

Наконец, 24 апреля 1478 года, в воскресенье, оба Медичи присутствовали на торжественной мессе с кардиналом Риарио, племянником папы; несколько заговорщиков сопровождали их до церкви, оказывая им тысячу почестей, когда вдруг, по условленному знаку возвышения гостии, убийцы бросились на Лоренцо и Джулиано. Тот был убит на месте; Лоренцо был ранен менее уверенной рукой. Его друзья сбежались и окружили его. Ему удалось укрыться в ризнице, и так как весь народ был за него, первый момент был упущен, и он был спасён.

Тем временем архиепископ Пизы, некоторые из его сто-

ронников и другие заговорщики отправились во дворец Синьории, где заседали Сеньоры или правители республики. Но, поднявшись слишком поспешно, архиепископ оказался впереди своей свиты, и закрытые двери отделили его от неё. Тогда Сеньоры и служители, которые были с ними, видя себя достаточно сильными, чтобы защищаться, набросились на архиепископа и на немногих людей, которые за ним последовали, убили их или выбросили из окон. Архиепископ, два Сальвиати и некий Якопо, сын знаменитого Поджо, были тотчас повешены на балконе. Заговор, таким образом, провалившийся в обоих местах одновременно, Якопо Пацци и некоторые из его людей, едва выбравшиеся из церкви, попытались поднять народ и скакали верхом по улицам, крича: liberta, popolo, popolo! Но никто не отвечал: народ был развращён щедротами Медичи, и свобода больше не была известна во Флоренции [7]. Все поспешили показать Лоренцо свою привязанность. Заговорщиков преследовали повсюду, убивали и тащили по городу, когда могли их догнать. С большим трудом удалось спасти кардинала, племянника папы, который пришёл поддержать своим присутствием это преступное предприятие. В последующие дни многие члены семьи Пацци и враги Медичи погибли в мучениях. Жан-Батист де Монтесекко, генерал на службе папы, который приехал участвовать в заговоре, был обезглавлен.

Однако войска папы продвинулись до границ Тосканы, чтобы ждать исхода заговора и войти при необходимости,

чтобы помочь заговорщикам. Как только папа и король Неаполя узнали, что они потерпели неудачу, они решили вести открытую войну против Синьории Флоренции. Флорентийцы обратились к своим союзникам и отправили просить помощи у венецианцев и герцога Миланского. Антонио Веспуччи также был поручен отправиться к королю Франции, чтобы просить его поддержки, изложив ему всё поведение папы и его замыслы против Флоренции.

Король вовсе не имел желания вмешиваться в итальянские дела и ничего не хотел там завоёвывать. Имея достаточно затруднений, чтобы поддерживать своё королевство в хорошем порядке и обеспечить себе долю в бургундском наследстве, он не был склонен бросаться в новые опасности. Однако флорентийцы всегда были верными союзниками королевства. К тому же такое предприятие со стороны папы, помощь, которую он оказал столь преступному заговору, были весьма значительны. Поэтому король выказал себя весьма взволнованным этими новостями.

Сеньор де Коммин находился тогда в армии г-на д'Амбуаза с дворянами, получавшими пенсию, которых называли Двадцать Экю. Король, не доверяя ему во всех фландрских делах, не вмешивал его ни в одно из них и заботился о том, чтобы держать его в стороне. В других вопросах он не испытывал недостатка в доверии к нему. Как только он узнал о флорентийском заговоре, он отправил свои письма и инструкции сеньору де Коммину с приказом отправиться в

Италию, чтобы настоятельно просить госпожу Бонну Савойскую, свою невестку, герцогиню Миланскую, которая управляла от имени своего ещё ребёнка-сына, соблюдать договор о союзе, который она имела с флорентийцами, и оказать им помощь. Сеньор де Коммин должен был обратиться с теми же настояниями к венецианцам и заверить Синьорию Флоренции во всей дружбе короля.

Он также поспешил написать императору, герцогу Баварскому и другим государям или государствам, чтобы указать им, какое значение может иметь такое поведение верховного понтифика.

Но что лучше всего показало, насколько король принял это дело к сердцу, так это ордонанс, который он издал 16 августа в Селомме near Блуа, когда возвращался из Фландрии в Турень. В нём говорилось:

«Когда мы узнали о войне, недавно поднятой в Италии из-за махинации и предприятия, совершённого против наших дражайших друзей и союзников, общины и Синьории Флоренции, неким так называемым графом Иеронимом [8], человеком доселе неизвестным, низкого и малого состояния, мы отправили к нашему святому отцу, чтобы умолять и просить его, чтобы ему было угодно содействовать умиротворению этих войн; и мы указали ему на весьма несправедливую внезапность, которую вышеупомянутый граф Иероним и его приверженцы хотели совершить». Затем следовал рассказ, полный негодования, о покушении Пацци на Медичи.

«Мы надеялись, — продолжал король, — что наш святой отец, как добрый отец и пастырь христианского народа, захочет содействовать этому миру, не выказывая пристрастия ни к одной стороне; мы были уверены, что он захочет сделать что-нибудь для нас, которые всегда питали к святому апостольскому престолу особое почтение и благоговение; мы ему указали на старую дружбу, конфедерацию и союз, которые мы имеем с общиной и Синьорией Флоренции, которая всегда была расположена к дому Франции и так почитала королей своими покровителями, что каждый раз, когда она обновляет правителей своей Синьории, они приносят клятву быть добрыми и верными дому Франции. Несмотря на вышесказанное и без учёта необходимости, в которой находится теперь христианский народ, вышеупомянутый святой отец выказал и объявил себя пристрастным против Синьории Флоренции и равным образом против герцога и синьории Венеции, которые также наши друзья и союзники. Наш святой отец не захотел принять во внимание, что турок ведёт непрерывную войну против ближайших частей Италии. Ибо нельзя лучше укрепить турка и неверных и лучше дать им средство войти и пройти в Италию, чем нападать и притеснять тех, кто ведёт войну против них. Эти вещи столь странны для рассмотрения, что вселенская церковь и всякий добродетельный и католический государь должны испытывать от этого неудовольствие. Кроме того, нас уведомили, что вышеупомянутый святой отец сказал, что в этой войне

он употребит свою особу, своё имущество и всё, что сможет достать. Странная вещь, что сокровище и доход церкви, которые предназначены для служения Богу, защиты католической веры и поддержания бедных, используются на такие войны против христианского народа, чтобы поддерживать такие заговоры, такие убийства и столь гнусные преступления!

Равным образом весьма странно, что терпят незаконные поборы, которые производятся в римской курии посредством ожидательных булл и других средств, через вакансии бенефициев, которые взимаются против святых канонов и декретов церкви, против определения святых соборов; всё это чтобы употребить деньги, которые от этого получаются, на покупку графств и больших сеньорий, чтобы раздавать их людям низкого состояния и возвышать их без предшествующих заслуг и без того, чтобы они могли чем-либо помочь церкви и защите веры. Эти поборы, производимые против святых канонов, мы, наше королевство Франция и наша страна Дофине, терпим большой ущерб от большого количества денег, которые извлекаются вопреки свободам французской церкви через вышеупомянутые вакансии, и от расходов, которые производятся для получения вышеупомянутых ожидательных булл; которые теперь столь обычны, что из-за их большого количества и беспорядка большинство бенефициев нашего королевства находятся в процессе, на ведение которых тратится и уходит чудесное количество денег; и

неизвестно, кому принадлежат бенефиции. Из-за чего божественная служба, дисциплина народа и преподание таинств часто оставляются.

Эти мотивы побудили короля запретить и воспретить всем церковным или светским людям быть настолько дерзкими или смелыми, чтобы ехать или отправлять за пределы королевства и в римскую курию, искать или домогаться бенефициев или ожидательных булл, ни носить или заставлять носить через векселя или грамоты, каким бы то ни было образом, золото или чеканенную, или нечеканенную монету. Этот запрет был под самыми суровыми наказаниями конфискации тела и имущества.

Уже был дан приказ, чтобы все, кто имел какое-либо участие в заговоре против Медичи, и особенно граф Джироламо Риарио, не получали никакой помощи в королевстве и были тотчас из него изгнаны.

Король продолжал живо заниматься этим делом. Это был случай вернуться к прагматике и пробудить свободы французской церкви, которые он всегда держал как бы в резерве для моментов, когда был недоволен папой. Он поручил нескольким учёным церковнослужителям составить извлечение из жалоб церкви своего королевства, и вскоре после этого приказал собрать ассамблею духовенства в Орлеане. Она была проведена в сентябре месяце, и первой её заботой было отправить депутатов к королю, чтобы узнать его намерения.

Он говорил с ними с мудростью, которая их очаровала [9], выказывая крайнее уважение и благоговение к папе и Святому Престолу; впрочем, рекомендуя и повторяя им всё, что уже изложил в преамбуле своего ордонанса.

Орлеанская ассамблея была того мнения, что для того, чтобы позаботиться о защите католической веры, умиротворить христианских государей, противостоять неверным, дать доброе правило всей церкви и обеспечить устранение злоупотреблений, которые в ней совершались, следует просить святого отца созвать собор вселенской церкви; ибо, согласно учению французской церкви, вселенские соборы представляют вселенскую церковь; они держат свою власть от Бога, папа им подчинён и должен, если согрешил, подчиниться их суду. Таким образом, можно было апеллировать от его власти к будущему собору, и Мишель де Виль-Шартр был приглашён как прокурор короля и духовенства Франции объявить апелляцию.

Кроме того, чтобы помешать деньгам уходить из королевства, ассамблея была того мнения, что касательно бенефициев следует вернуться к древним правам и канонам соборов, в частности Констанцского собора.

Если папа откажет королю в созыве собора, следовало, говорилось, провести в Лионе новую ассамблею французской церкви, которая снесётся с церквями Германии и Италии; и король, чтобы обеспечить больший авторитет и лучшее ведение дел, должен отправить на эту ассамблею значительных

людей.

Надеялись, что объявление об этом втором и большем собрании духовенства заставит папу согласиться на созыв собора.

Орлеанская ассамблея завершилась назначением депутатов, которые должны были указать королю, каких послов следует отправить к святому отцу, составить инструкции для его послов, принять прошения и жалобы, в частности от университетов, чтобы урегулировать их предмет на соборе или в Лионе; наконец, всё подготовить для будущих обсуждений.

Прибытие сеньора де Коммина в Италию, триста копий, которые он привёл из Милана во Флоренцию, поведение короля и французской церкви начали вызывать серьёзное беспокойство в римской курии. Папа сначала обрушил отлучения на флорентийцев, называя их еретиками и мятежниками, упрекая их в том, что они позорно убили архиепископа и держали в тюрьме кардинала. Но вскоре после этого его самый искусный советник, кардинал Павийский [10], представил ему, что опасно оскорблять столь великого и могущественного короля, особенно когда у него есть союзники в Италии. Однако, говорил он, не следовало позволять запугать себя его угрозами или отказываться от чего-либо из предпринятого, ибо это было бы пагубным примером. Итак, следовало выиграть время, хорошо принять послов короля, не спешить с ответом и при этом выказать некоторое удивление, что столь мудрый и христианский государь позволил

обмануть себя лживостью врагов Святого Престола. Следовало добавить, что святой отец расположен простить флорентийцев; но что вместо того, чтобы выказывать раскаяние, они закоснели во зле и даже не слушают тех из своих союзников, кто советует смягчить папу; что, впрочем, чтобы угодить столь великому королю, святой отец охотно обсудит [это] с кардиналами, когда они соберутся в Риме.

Таково было действительно поведение папы: он не дал королю никакого решительного ответа, ограничиваясь смутными заверениями. Тем временем армия короля Неаполя и папы, которой командовал герцог Урбинский, вошла в Тоскану, и флорентийцы, уступая в силе, с большим трудом защищались. Генуя по внушению папы восстала против герцога Миланского, и швейцарцы объявили ему войну.

Не только силой оружия римская курия добивалась осуществления своих замыслов, она также вела переговоры и старалась привлечь на свою сторону государей христианства. Папа жаловался императору на то, что король Франции предпочитает интересам Бога и Его церкви дружбу флорентийского купца; на то, что, чтобы угодить этим мятежникам, он намеревается собрать собор в своём королевстве, предприятие, которое будет к стыду, и презрению Святого Престола и даже Империи, поскольку не подобает государям созывать соборы. Соответственно, папа просил императора содействовать королю, чтобы вернуть его на лучший путь.

В то же время папа остерегался раздражать короля Фран-

ции слишком высокомерным языком; он выказывал ему, напротив, только почтительность и нежность. Урбан де Фьеск, епископ Фрежюсский, был отправлен к нему, чтобы заверить, что Святой Престол вверяет ему свои интересы, рассчитывая, что он не потребует ничего против чести верховного понтифика. Папа не отказывался абсолютно от созыва собора; но он хотел, чтобы короли также явились на него, чтобы отчитаться в предприятиях, которые они ежедневно совершали против прав церкви.

Наконец, в декабре месяце большое и торжественное посольство отправилось из Франции в Италию и в Рим [11]. Во главе его стоял Ги д'Арпажон, виконт де Лотрек. Оно сначала остановилось в Милане и было принято на аудиенции герцогиней. Антуан де Морийон, второй президент парламента Тулузы, произнёс речь. Он объявил, что король желает и надеется восстановить мир в Италии, чтобы христианство могло лучше защищаться от насущных атак турка; что, согласно заверениям папы и флорентийцев, он имеет основание полагать, что его примут как арбитра; что касается Генуи, он её суверен: герцог Миланский держит от него эту сеньорию; таким образом, он сумеет поддержать свои права; впрочем, он питает не меньшую привязанность к своему племяннику герцогу Миланскому, чем к Дофину, своему сыну.

В своём ответе советники герцогини Миланской выказали не столь добрую надежду. «Пока папа отправляет королю послов, чтобы заверить его в своём желании мира, он под-

стрекает швейцарцев против нас; он злоупотребляет доверчивостью этого простого и грубого народа, даёт им благословенное знамя [12], обещает им рай, если они будут с нами воевать, говорит им, что города и коммуны Милана только и ждут, чтобы освободиться от нашего ига и жить без сеньора, как швейцарские лиги. Тем временем мы и наши союзники отлучены. Так что небо было бы открыто только для тех, кто делает из святых таинств сигнал к убийству и средство для преступления, или для тех, кто начинает несправедливые войны; тогда как оно было бы закрыто для нас, которые защищают христианство от турка, уже дошедшего до Фриули. Это эти так называемые послы мира сами или, по крайней мере, через свою семью толкают народы к мятежу; ибо мог бы Урбан де Фьеск, епископ Фрежюсский, с уверенностью сказать, что Фьески не принадлежат к партии мятежа в Генуе?»

Посольство Франции перешло из Милана во Флоренцию, где получило все свидетельства признательности, которые Синьория расточала в честь короля, защитника и спасителя республики. «„Ангелы короля“, — сказал канцлер, — да сопровождают вас ангелы Божьи в вашем путешествии».

Прибыв в Рим, послы Франции имели приказ договориться с Джулиано делла Ровере, кардиналом Сен-Пьер-эс-льен, которого король видел в Лионе два года назад и которого считал привлечённым на свою сторону, хотя до этого велел посадить его в тюрьму. Чтобы лучше его привлечь, он толь-

ко что дал ему епископство Мандское, а епископство Аженское — Галеаццо делла Ровере, другому племяннику папы. Кардинал Сен-Пьер начал с того, что сказал послам, будто были сфабрикованы ложные инструкции короля и показаны папе, который, считая их подлинными, был весьма разгневан. Этим способом он сразу добился того, чтобы ему показали инструкции посольства.

Президент де Морийон, когда папа допустил послов, начал с просьбы о публичной аудиенции, которая была ему дарована, и тогда он изложил учёно и красноречиво в полном консистории. Поговорив об опасностях христианства и успехах турка, о желании короля умиротворить разделения Италии, о его рвении к религии, о его нежности к Святому Престолу и в частности к папе Сиксту IV, он перешёл к подробностям того, что короли Франции делали во все времена для защиты церкви. Король имел не меньшую волю исполнить этот долг, и он надеялся сделать это тем легче, что все стороны, казалось, принимали его как арбитра; так, по крайней мере, предложил епископ Фрежюсский. «И конечно, было бы весьма удивительно, если бы Иисус Христос, спустившись с неба, чтобы принести мир, Его викарий стал бы факелом войны и, увлечённый страстью и дурными советниками, причинил бы гибель Италии и всему христианству!» Он закончил, умоляя кардиналов прийти ему на помощь, чтобы обезоружить гнев верховного понтифика.

Послы не получили никакого ответа от папы в тот день.

Две недели спустя они попросили новой аудиенции. На этот раз они представили ему, как король был изумлён, узнав, что король Неаполя, союзник папы, только что заключил союз с турком; что едва можно поверить такой вещи, и что это достаточный мотив для всякого католического государя, и особенно для папы, разорвать всякую связь с королём Неаполя. Честь верховного понтифика была заинтересована, и он покрывал себя вечным позором в глазах людей и Бога, если вместо наказания короля Фердинанда поддерживал союз с ним.

Папа ответил, что король Неаполя, правда, принял послов турка, но что нет уверенности, что был заключён какой-либо договор. Впрочем, он не мог вообразить, как столь христианский государь, как король Франции, может быть другом людей, которые вешают архиепископов в их епископских облачениях и совершают тысячу других преступлений против церкви. Однако он согласен выслушать предложения мира, если они разумны.

Папа был одновременно столь абсолютен и столь искусен, что послы не находили никакой поддержки у кардиналов. Многие из них порицали святого отца и стенали от его упорства, но тихо. Никто не осмеливался с ним говорить. Они даже старались его оправдывать и находить вину флорентийцев. Таким образом, переговоры не продвигались. Папа даже полностью дезавуировал епископа Фрежюсского и изгнал его от своего присутствия как превысившего свои полномо-

чия, предложив арбитраж короля Франции.

Послы тщетно говорили, что нет ничего противного духовному верховенству верховного понтифика в выборе арбитра: выборе свободном, который не делал короля судьёй папы, но в некотором роде его делегатом, поскольку пункты, представленные на его арбитраж, могли быть оговорены заранее. Впрочем, не останавливаясь на этой трудности, они предлагали от имени флорентийцев всякого рода удовлетворение по поводу архиепископа Пизы и других казнённых церковнослужителей, требуя, с другой стороны, чтобы папа и его союзники поклялись в добром, прочном и верном мире с флорентийцами и их союзниками.

Папа не удовлетворился этими предложениями. Тогда послы заявили ему, что король решил поддержать своих итальянских союзников и собрать собор, на который явится церковь Франции и церковь всех стран, которые были в мире с королевством.

Император и герцог Максимилиан также отправили посольства в Рим. Папа решил воспользоваться их доброй волей, чтобы не давать удовлетворения королю. Он созвал консисторию. «Там, в присутствии послов Франции, архиепископ Стригонский сначала spoke от имени императора: „Его господин“, — говорил он, — узнал, что некоторые нападают на честь Святого Престола, порицают поведение верховного понтифика и строят против него замыслы. Император, напротив, решил этому противостоять и взять на себя защи-

ту святого отца. Он не находит ничего предосудительного во всём, что этот понтифик сделал, и, как бы ни жалел флорентийцев, он может просить для них только милосердия, а не справедливости. Что касается собора, он не считает его необходимым и полагает, что он будет противен авторитету апостольского престола».

Посол герцога Максимилиана был затем допущен говорить. Поскольку в титулах своего господина он называл его герцогом Бургундским, президент Морийон тотчас его прервал, сказал ему, что его господин не является герцогом Бургундским ни по праву, ни на деле, и что этот титул может принадлежать только королю Франции. Он также заявил о всецело мирных и христианских намерениях, которые диктовали шаги короля, и закончил, сказав, что предложение о соборе будет иметь продолжение только в случае, если папа, всегда внимая дурным советам, будет поддерживать раздор в христианстве. Тогда король действительно соберёт собор, и даже если духовенство государств императора и герцога Максимилиана не придёт на него, он всё ещё будет достаточно многочисленным.

Папа, чтобы не выказывать себя противником мира, велел представить memorandum для обсуждения условий, которые ему предлагались, и чтобы предложить флорентийцам более суровые и позорные. Однако война продолжалась, Тоскана была разорена, урожаи сожжены; земли оставались без обработки. На жалобы по этому поводу папа отвечал, что это

единственное средство привести флорентийцев к покорности и миру.

Послы, слыша столь высокомерный язык, также начали угрожать, говорить более решительно о соборе и даже о неповиновении. «„Когда перестанут ходить в Рим и посылать туда деньги, мы увидим“, — говорили они, — как будет вестись война».

Папа не был этим больше обеспокоен. Условия, которые он представлял, были чрезмерны. Он хотел, чтобы флорентийцы вернули доходы с бенефициев, которыми они распорядились; чтобы светские судьи никогда не рассматривали бенефициальные дела, как и процессы о браках. Кроме того, он требовал всякого рода отречений и возмещений. Он требовал свободы Генуи, хотя король Франции считал себя её сувереном; он требовал амнистии и возвращения изгнанников в герцогство Миланское.

Посольство Франции состояло из твёрдых и искусных людей; им приходилось служить господину в его желаниях столь же абсолютному, как папа. Они заявили, что, если через восемь дней верховный понтифик не сложит оружия и не снимет отлучение, они вернутся во Францию. «Срок короток, — ответил папа; — осуждённому дают пятнадцать дней перед казнью».

Понадобились ещё новые угрозы, чтобы добиться приостановки оружия и снятия церковных кар. Но до мира было ещё далеко: ибо со своей стороны флорентийцы и их союз-

ники никоим образом не хотели соглашаться на предложенные им условия.

Как бы чтобы ещё лучше бросить вызов королю, папа, несмотря на все возражения послов, принял в публичной консистории депутатов Генуи. Они говорили от имени Жана-Батиста де Кампо-Фрегозо, Божьей милостью дожа Генуи; президент Морийон хотел их прервать, папа заставил его замолчать; и когда затем он позволил ему протестовать, единственным ответом папы было, что он допустил генуэзцев только чтобы объявить их духовное повиновение.

Прошло более четырёх месяцев, не удалось получить ничего от римской курии. Присутствие послов императора и герцога Максимилиана способствовало тому, что папа оставался в своём упорстве. Когда прибыли послы короля Англии, они имели во всём тот же язык и делали те же шаги, что и послы Франции; ибо их господин, король Эдуард, видел это дело всецело глазами короля. Тогда папа оказался почти вынужден уступить. Он ещё некоторое время боролся. Твёрдая угрожающая позиция венецианцев, поддержанная послами Франции и Англии, наконец привела переговоры к завершению. 31 мая, через пять месяцев после начала, была собрана большая и многочисленная консистория. Папа предпринял там последнюю попытку избежать арбитража и потребовал, чтобы уже сейчас приступили к рассмотрению предложений. Тогда посол Венеции заявил, что имеет приказ под страхом смерти удалиться, и послы Франции и Англии добавили, что

их полномочия истекли. Папа, не имея возможности отступить, объявил 2 июня 1478 года, что вверяет дело арбитражу королей Франции и Англии.

Эти переговоры длились почти год. Как ни важны они были для короля, они не отвлекли его от других дел. Желание не оставить герцогу Максимилиану ни одного союзника и иметь возможность, не будучи обеспокоенным ни одним из государей христианства, захватить большую часть бургундских сеньорий определяло все его помыслы. Чтобы получить то, к чему он теперь стремился, он был готов отказаться от того, что раньше стоило ему многих забот, денег и жизни большого числа его подданных. Это можно было заметить в отношении Руссильона и Серданьи. В течение многих лет король ничего не щадил, чтобы приобрести и сохранить эти провинции. Тогда же он, казалось, был готов уступить их без сожаления.

Уже несколько месяцев он работал над полным примирением с Филиппом Савойским, графом де Бресс, который держался в страхе и весьма в стороне. В сентябре 1478 года он окончательно ратифицировал договор, который сеньор де Шанде, губернатор Бресса, и Жак де Бюсси, отправленные монсеньором Филиппом, в течение нескольких месяцев вели с ним [13]. Граф де Бресс обещал верность королю, поклялся ничего не предпринимать против его особы, против королевы, Дофина или королевства и, напротив, предупреждать его обо всём, что дойдёт до его сведения и может быть

ему противно. Он также обязался служить королю против всех и вся, в частности против герцога Максимилиана, без иной оговорки, кроме дома Савойского. Со своей стороны, король дал ему шесть тысяч ливров наличными, пенсию в двенадцать тысяч и обещал землю с доходом в двенадцать тысяч ливров в королевстве с титулом графа.

В то же время, чтобы лучше обеспечить себе дом Савойский, он выдал Анну, свою племянницу, дочь Иоланды Французской, герцогини Савойской, за Фридриха, принца Тарентского, второго сына короля Неаполя, того, который приходил в армии герцога Карла. В пользу этого брака он обещал уступить графства Руссильон и Серданья при условии, что король Арагонский также согласится отказаться от прав, которые мог на них иметь, в пользу принца Тарентского, своего племянника.

В этот момент перемирие ещё продолжалось между королём и королём доном Хуаном Арагонским, как и с его сыном доном Фердинандом, королём Кастилии через Изабеллу, свою жену. Сын был гораздо более расположен, чем отец, договориться с королём Франции. Он всегда боялся поддержки, которую король Португалии мог получить от него. Хуана Бельтраннеха сохраняла ещё некоторых сторонников в Кастилии; так что мир казался дону Фердинанду гораздо выгоднее войны. Чтобы получить его, он дал свои полномочия и вверил свои интересы кардиналу Мендосе, который был пенсионером короля Франции и держал от него аббат-

ство Фекан.

Напротив, не было никого, кто был бы так далёк от соглашения с королём, как старый дон Хуан Арагонский. Он отказывался ратифицировать дар графства Руссильон, сделанный его собственному племяннику герцогу Тарентскому. Это касалось его чести, говорил он, и он не мог пожертвовать ни малейшей её частью. Эта сеньория принадлежала ему; он хотел, чтобы она была ему возвращена с плодами и доходами, и не отказывался так легко, как король Франции, от провинции, которую оспаривал пятнадцать лет ценой крови своих верных служителей. Он упрекал своего сына дона Фердинанда Кастильского в слишком большой слабости, в том, что он позволяет пугать себя несколькими грандами португальской партии, и особенно в том, что доверяет хоть в чём-то королю Франции, с которым нельзя договориться, не будучи обманутым; которого можно привести к разуму только угрозой и твёрдостью; который сеет повсюду продажность и даже в этот момент числит кардинала Мендосу среди своих служителей.

Как ни велики были гордость и доблесть этого старого короля, его советы не могли помешать дону Фердинанду продолжать переговоры с королём Франции. Они завершились 9 октября 1478 года мирным договором, который был подписан в Сен-Жан-де-Люзе сеньором де Лескеном, графом де Комменжем, епископом Ломбезским и несколькими другими послами. Этот договор напоминал о старых союзах

Франции и Кастилии. Король обещал не помогать прямо или косвенно королю Португалии, и дон Фердинанд отказался от всякого союза с Максимилианом Австрийским. Король сообщил эту счастливую новость жителям добрых городов, приказав совершить благодарственные молебны и большие празднества.

Три месяца спустя умер в возрасте восьмидесяти двух лет король дон Хуан Арагонский, который до последнего дня выказывал себя полным чести и безрассудной смелости. Он был так беден, что после его смерти пришлось продать его посуду, чтобы оплатить его похороны и выплатить жалованье его слугам. Фердинанд, король Кастилии по браку, стал королём Арагона по наследству; таким образом, король Франции оказался в мире со всей Испанией.

Всё это время он не забывал ничего, что нужно было для поддержания дружбы короля Англии [14]: прежде всего это были деньги, которые нужно было тратить. Этим средством он распоряжался почти по своей воле королём Эдуардом и его советниками. После того как он заставил его набраться терпения относительно жалоб вдовствующей герцогини Бургундской, он отправил к епископу Эльнскому, своему послу в Англии, которому в тот момент оказывал большое доверие, полномочия продлить до смерти обоих королей и на сто лет после этого перемирие в Пикиньи: всё по цене 50 000 экю в год. Это условие, возможно, удовлетворило бы короля Эдуарда, но его жена также хотела обеспечить брак мадемуазель

Елизаветы, своей дочери, с Дофином Франции. Сэр Ричард Танстолл и доктор Лэнгтон были отправлены просить, чтобы помолвка была отпразднована и чтобы одновременно было обещано, что если мадемуазель Елизавета умрёт, Дофин женится на её сестре Марии. Желали также, чтобы вдовья доля в 60 000 франков, уже обусловленная, была выплачена уже сейчас; ибо, говорили, мадемуазель Елизавета, имея двенадцать лет, достигла брачного возраста; таким образом, задержка происходит не по её вине.

Король немедленно отправил сеньора де Жанлиса и других послов заверить короля Англии, что он не желает ничего больше на свете, чем этот брак, что он хочет отпраздновать помолвку как можно скорее и что он всей душой согласен на предложение заменить в случае смерти первую дочь короля Англии второй.

Что касается вдовьей доли, король не захотел ничего решать без своего совета, который в полном составе постановил, что это дело не соответствует праву и что вдовья доля приобретается только по завершении брака. Кроме того, адмирал Франции, епископ Эврё, сеньоры дю Люд и де Сен-Пьер, которые ранее были уполномочены королём заключить контракт, утверждали, что ничего подобного не было обещано ни письменно, ни устно.

Это не помешало подписанию продления перемирия 15 февраля 1479 года в Лондоне. Король Эдуард включил в число своих союзников герцога Бургундского. На это король

Франции не соглашался — как из-за титула, которым обозначали герцога Максимилиана, так и потому, что вовсе не намеревался предоставлять ему перемирие. Поэтому он не ратифицировал договор, выказывая, впрочем, удовлетворение им, кроме этой статьи. Послы были отправлены к королю, чтобы добиться его ратификации и попытаться найти какой-нибудь путь к соглашению с императором и герцогом Максимилианом; но король не желал об этом и слышать. Когда император даже отправил к нему тайного посла, он уехал из Плесси поохотиться в окрестностях, чтобы не принимать его; он писал канцлеру: «Я получил то, что вы мне написали относительно этого патриарха; выведайте у него тайное слово, которое он имеет сказать мне от имени императора, и приложите всё своё умение; ибо я не буду с ним говорить и скоро его отошлю». Тем не менее, поскольку король не хотел оскорблять англичан и всегда старался им льстить, даже не слушая их, он продолжал так: «Хотя и не в обычае, чтобы канцлер Франции наносил визит какой-либо особе, прошу вас, чтобы вы навестили английского посла. Пошлите также за всеми добрыми докторами, которых вы возили в Сен-Кантен по английскому делу, ибо они нам очень нужны». Эти доктора были необходимы для ведения дел Рима, в которых король так хорошо преуспел, полностью объединив короля Эдуарда с собой.

Казалось, что эти различные переговоры почти со всеми государями христианства должны были занимать короля ещё

меньше, чем те, которые ему предстояло начать с герцогом Максимилианом. При подписании перемирия было решено, что комиссары соберутся в Камбре, чтобы работать над добрым и прочным миром; но король вовсе не имел желания дойти до этого. По своему обыкновению, не желая рисковать битвой, он искал способ выиграть время, чтобы высмотреть какой-нибудь лучший случай. Если он вернул Эно и Камбре, то вовсе не потому, как он иногда говорил [15], что не находил ни силы, ни доблести, чтобы удержать земли, которые не принадлежали его королевству и королём которых он не был по своему помазанию и миропомазанию; а лишь чтобы не слишком раздражать императора и особенно князей Империи. Действительно, его главным желанием в тот момент было получить графство Бургундское, которое было такой же имперской землёй, как и Эно. Со своей стороны, герцог Максимилиан не был сильно расположен к миру — не потому, что сам имел твёрдую волю, но его новые подданные, как дворяне, так и горожане, питали такую великую ненависть к французам и к королю Людовику, что надеялись на месть и не хотели ещё ничего уступать [16].

Король сначала назначил комиссарами Луи д'Амбуаза, епископа Альбийского, Жана де Мушёй, епископа Вивье, графа де Комменжа, Боффиля де Жюдаиса, Рауля Пишона, советника Парламента, и Жана Шамбона, мэтра прошений. 1 сентября они должны были встретиться в Камбре с комиссарами герцога. Король сначала захотел изменить место

переговоров; он предложил Сент-Омер [17]. Поскольку его мысль вовсе не была заключить мир, он надеялся, что во время конференций можно будет устроить какое-нибудь тайное соглашение в городе, чтобы войти в него врасплох сразу после разрыва перемирия. Это предложение не было принято, но король добился, чтобы назначенным местом был Булонь, а не Камбре. Он также заменил некоторых комиссаров; среди добавленных были Жан де Сен-Ромен, генеральный прокурор, и Франсуа Балле, королевский адвокат в Парламенте. 9 сентября перед отъездом они заранее заявили протест в руки секретаря [18] против всего, что они могли бы уступить касательно права конфискации, судьями по которому в любом случае должны оставаться только король и его Парламент; это означало заранее подготовить недействительность договора, поскольку все мотивы, приводимые королём, сводились к этому праву конфискации.

Он так мало думал о том, чтобы вести переговоры искренне, что, когда герцог Сигизмунд Австрийский отправил к нему одного из своих служителей, чтобы умолять его принять его посредничество, принять его даже в качестве заложника предлагаемых выгодных условий, король отказался выслушать этого посла. Герцог Сигизмунд, то ли с добрым намерением, то ли чтобы его напугать, одновременно велел объявить ему, что только что заключён мир между королём Венгрии и императором; так что австрийская армия и даже венгерские вспомогательные войска могли вмешать-

ся в фландрскую войну. Этот посланник, так отогнанный королём, отправился, согласно приказу, данному ему его господином, изложить своё поручение герцогу Бурбонскому и прибегнуть к его поддержке. Король сильно этим разгневался и написал герцогу Сигизмунду, чтобы тот впредь не отправлял к нему посла, который так искал сношений с вельможами королевства.

При таких настроениях нечего было ждать от булонских конференций; не все комиссары даже туда явились; несколько не поехали дальше Сен-Кантена. Однако эти переговоры длились почти три месяца; на них обсуждались, без того чтобы кто-либо отказался от своего мнения, законы и обычаи о фьефах и пэриях. Французы, вопреки примерам прошлого, утверждали, что всякий фьеф является исключительно мужским и управляется той статьёй Салического закона, которая после смерти Филиппа Длинного и Карла Красивого была истолкована против права женщин в отношении короны Франции. Что касается графства Бургундского, они утверждали, что оно некогда находилось в зависимости от герцогства, а затем было ему присоединено. Их требование относительно Лилля, Дуэ и Орши имело больше оснований, поскольку первоначально эти города и шателении были даны первому герцогу Филиппу Смелому только на время его жизни. Ещё лучше можно было утверждать, что графство Булонское было, против всякого права, узурпировано у дома де ла Тур.

В действительности обе стороны думали только о том, чтобы возобновить войну, и готовились к ней во время перемирия, которое плохо соблюдалось, особенно на море, где голландцы совершали непрестанные насилия против французских судов. Каждый также не преминул с обеих сторон испробовать всякого рода измены и привлечь деньгами или обещаниями служителей своего противника. Некий Симон Куртуа, которого король назначил своим генеральным прокурором в Артуа, под предлогом некоторых дел во Фландрии отправился предложить свои услуги герцогине Марии, прося её сохранить его в его должности, если она вернёт себе владение страной. Король узнал о поведении мэтра Куртуа; по его возвращении он велел схватить его и отвезти в Тур, где прево заставил его признаться в своём проступке и отрубил ему голову.

Из недоверия, ещё более чем из экономии, король решил перед возобновлением войны провести большую реформу в своей армии. Он распустил десять своих рот ордонанса, среди прочих роты графа де Даммартена, сеньоров де Муи, де Краона де Бальзака, Этьена де Пуазьё, которого он называл Пуйайе, и пяти других капитанов, все хорошо известные на войне, которые пользовались его доверием и до сих пор хорошо ему служили. Однако он не захотел оскорбить графа де Даммартена и написал ему так:

«Господин великий магистр, поскольку я знаю труд и службу, которые вы всегда несли как перед покойным моим

отцом, так и передо мной, я решил, чтобы облегчить вас, больше не делать вас человеком войны; хотя я хорошо знаю, что нет в моём королевстве человека, который понимал бы военное дело лучше вас и в ком я имел бы больше доверия, если бы у меня возникло какое-нибудь большое дело. Так я и сказал Пьеру Кларе, чтобы он передал вам это. Что касается вашей пенсии и состояния, которые вы имеете от меня, я никогда их у вас не отниму, а скорее увеличу; и я никогда не забуду великие услуги, которые вы мне оказали, кто бы мне ни говорил обратное; и прощайте».

Графу де Даммартену было тогда всего шестьдесят восемь лет, и он чувствовал в себе ещё силу и мужество хорошо служить на войне. Он не сделал вида, что дал себя поймать на лесть короля, и ответил ему вполне откровенно.

«Сир, смиреннейше, как только могу, поручаю себя вашей милости, и да будет вам угодно знать, что через господина де Монфокона, который проезжал здесь, я уже узнал, что вашей воле было, чтобы я больше не имел командования ротой, которую вам угодно было мне поручить. Сир, я и раньше хорошо знал, что ходил слух, будто вы имели желание — это сделать; но я не мог этому поверить и считал себя в этом положении столь же уверенным, как в чём-либо, что имею. Примите во внимание, что я долго служил; что вам угодно было оказать мне честь дать мне ваш орден; что мои близкие также служили покойному королю, вашему отцу, в его великих делах и в то время, когда он в них нуждался из-за

великих смут, которые тогда были в королевстве, в которых они окончили свои дни. А именно: покойный мой отец при Азенкуре, мой брат Этьен при Креване, мой младший брат в Гиени [19]. И я, сир, как только смог сесть на коня, служил королю, вашему отцу, и вам, как мог лучше; если не так хорошо, как имел желание, то, по крайней мере, слава Богу, вы не понесли ни потери, ни ущерба, и я не совершил перед вами никакой ошибки. Однако, сир, поскольку в этом всё в вашей власти, да будет ваша добрая воля исполнена. Вполне разумно, сир, что я вас прошу, чтобы вам было угодно, чтобы я остался в вашей милости, и чтобы вы приняли во внимание моё дело и услуги, которые я и мои близкие вам оказали. По крайней мере, чтобы я мог жить при вас согласно должности и состоянию, которые вам угодно было мне дать; и, сир, я всегда готов исполнять и совершать ваши добрые желания во всём, что вам угодно мне приказать, с помощью благословенного Сына Божьего, Которого молю даровать вам добрую и долгую жизнь».

Граф де Даммартен, как он и желал, остался в большом состоянии. Помимо его значительных имуществ и доли, которую он имел в конфискациях Жака Кёра и других, его должность великого магистра приносила ему десять тысяч ливров в год; орден короля — четыре тысячи; его рота — тысячу двести; губернаторства Монтивилье, Арфлёра и Шато-Гайяра — две тысячи; и сверх того он имел восемь тысяч ливров, назначенных ежегодно с доходов страны Бриансон. Позже он

был сделан генеральным лейтенантом короля для Парижа и Иль-де-Франса.

Немилость других капитанов не была смягчена, как его. Сеньор де Бальзак был отдан под суд, и у короля были такие подозрения, что он собственноручно написал канцлеру: «Смотрите, чтобы вы там вершили доброе правосудие, и чтобы у меня не было никакой причины быть недовольным, ибо это ваше дело — вершить правосудие». Однако никаких доказательств не нашли, и пришлось отпустить сеньора де Бальзака. Король даже вернул ему пенсию. То же произошло с сеньором де Муи; он был посажен в тюрьму, затем признан невиновным. Капитан Ориоль, дворянин из Гаскони, был обойдён суровее; было доказано, что, разгневанный потерей своей роты, он разразился оскорбительными речами и угрозами, что он даже обсуждал со своим лейтенантом, не пойти ли им просить службы у герцога Максимилиана. Оба были обезглавлены в Туре, и их тела разрублены на куски, чтобы быть выставленными в Аррасе, Бетюне и других городах Артуа.

Эта реформа рот не мешала королю делать, ещё более чем в предыдущем году, всякого рода приготовления к возобновлению войны. Часть денег, которые он употреблял на оплату рот ордонанса, была предназначена на оплату швейцарцев, чья служба казалась ему столь же хорошей и более надёжной. Он также продолжал отливать много бомбард и кулеврин; их делали тогда такими большими, что бомбарда, которая могла

метать железное ядро весом в пятьсот ливров, от Бастилии до моста Шарантон [20], была испытана в Париже. При втором выстреле она случайно убила мастера-литейщика, который был разорван на куски этим большим железным ядром.

Вся эта артиллерия, оплата войск, деньги, отправленные в Англию, суммы, распределённые королём своим капитанам и служителям, те, которые были употреблены на подкуп советников других государей, — всё это безмерно увеличивало налоги королевства. Каждый год — новые налоги, новые строгости. Казалось, не боялись довести народы до отчаяния. Стоны и ропот усиливались вместе с налогами; время от времени даже в некоторых провинциях избивали сборщиков, а иногда происходили своего рода бунты; но наказания были скоры и жестоки, никогда не следуя правилам обычного правосудия.

Большие приготовления делались также во Фландрии. Герцог Максимилиан собрал Штаты в Термонде [21]. Там полностью проявилось отвращение фламандцев к королю Франции. Некоторые люди из Штатов хотели указать, что этот государь, возможно, желает мира, что он распустил свои роты, вывел некоторые гарнизоны, позволил жителям Турне оставаться нейтральными; что, таким образом, следовало испробовать путь соглашения. Но их едва выслушали; все остальные, ссылаясь на вероломство и непрестанные измены короля, настаивали, что не следует слушать никаких предложений, пока все земли и сеньории, которыми владел покой-

ный герцог Карл, не будут возвращены его дочери. Поэтому было решено предоставить деньги и людей, чтобы доблестно продолжать войну.

Чтобы оплатить расходы, пришлось также увеличить налоги во Фландрии. Был введён габель на малое пиво [22], и этот налог вызвал большие волнения в Генте. Кузнецы и ткачи собрались. Губернаторы и деканы цехов, вовремя предупреждённые, отправили против них вооружённых людей. Бой был упорным, и на площади осталось несколько убитых. Мятежники, таким образом побеждённые, укрылись в часовне, где были вынуждены сдаться. Главные из них были отданы под суд вместе с синдиками кузнецов, обойщиков и ткачей. Они признались в самых преступных замыслах. Они хотели, говорят, разграбить монастыри и церкви, убить самых богатых бюргеров и магистратов, чтобы затем установить правительство по своему усмотрению. Восемь или десять были обезглавлены, шестьдесят изгнаны, другие брошены в тюрьму. Габель была установлена, и продолжали готовиться к войне против французов.

Тем временем перемирие соблюдалось всё хуже. Оно должно было закончиться только в июле, но уже 26 апреля оно было открыто нарушено предприятием, предпринятым против французов с предварительного согласия герцога Максимилиана. Замок Сель перед Камбре держался в залог [23] Жаном Долем от имени мессира Жака де Люксембурга за короля и сеньором де Фукеролем от имени г-на де Фьенна

за Фландрию. У каждого из них было лишь небольшое число людей. Сеньор де Фукероль, всё согласовав, однажды вечером вернулся в замок с десятью людьми, которых привёл из Дуэ. Французы ничего не подозревали. Их захватили без защиты и бросили в подземную темницу.

Горожане сильно испугались этого захвата, опасаясь, что он навлечёт на их город всю месть короля. Они собрались и отправили аббата Сен-Обера с тремя из них к сеньору де Фукеролю, чтобы изложить ему свои опасения. Он захотел принять их только на мосту, вне замка, и ответил им, что действовал лишь по приказу герцога и г-на де Фьенна. Они попросили позволения отправиться к последнему, который был одним из хранителей перемирия. «Делайте как хотите, — ответил он, — но уже поздно, и завтра у вас будет гарнизон». Действительно, на следующий день сеньоры де Боссю и де Арши вошли в город, разместили там бургундский отряд, ответили на жалобы горожан, что всё делается для их блага, и, немедля много, начали облагать тех, кого считали сторонниками короля. Французский гарнизон замка был затем свободно отправлен во Францию.

После этого первого нарушения война началась открыто. Сеньоры де Боссю и де Арши захватили Кревкёр, Уази, Эн, Ледуэн, Омекур. Мессир Филипп де Равенштейн и Жан де Люксембург пришли к ним присоединиться. Боэн защищался лучше. Горожане сдали город; восемнадцать французов, составлявших единственный гарнизон замка, отказа-

лись сдаться. Семеро были убиты; одиннадцать других взяты и повешены. Г-н Жак де Люксембург заперся в Борвуаре, но у него было слишком мало людей, и он был вынужден пойти на соглашение. Эти завоевания бургундской армии были наконец остановлены Пьером де Роганом, маршалом де Жье, и сеньором д'Эскердом, которые командовали в Артуа после отъезда графа де Даммартена. Они собрали около восьмисот копий и несколько тысяч франк-лучников, двинулись к врагу, который отступил и за несколько дней потерял замки, так легко им приобретённые.

Не в эту сторону король направил в тот момент свои замыслы и надежды. Доверяя мудрости и умению г-на д'Амбуаза, именно ему он отправил больше всего помощи. Его армия получила много артиллерии, франк-лучников и дворян бана и арьербана; кроме того, он привлёк к себе множество швейцарцев. Всё было готово, чтобы попытаться завоевать графство Бургундское. Однако король, чтобы выказать больше щепетильности, чем его противник, отправил герцогу Максимилиану герольда с жалобой на нарушение перемирия, требуя возмещения за нанесённый ему ущерб.

Немедля, сеньор д'Амбуаз в начале мая 1479 года двинулся в графство. Он сначала захватил замки near Доля и расположился в окрестных деревнях; но с большой осторожностью, чтобы не дать застать себя врасплох, как сеньор де Краон. Напротив, именно он оказался хитрее врага [24]. Гарнизон Доля был немногочислен, ибо швейцарцы больше не

приходили на помощь жителям графства. Принц Оранский, без людей и без денег, не сдержал ни одного из обещаний, которые дал, когда побуждал провинцию объявить себя против короля. Но горожане и народ города были полны мужества, особенно студенты университета Доля, которые выказывали великую ненависть к французам. Однажды г-н д'Амбуаз отправил до самых стен города несколько человек, которые сделали вид, что хотят захватить стада быков, содержавшихся для провизии и пасшихся near вала; ибо осада ещё не началась. Школьники опрометчиво вышли, чтобы прогнать это небольшое число фуражиров, и попали в сильную засаду; путь в город им был отрезан, большинство погибли, были убиты в деревнях или брошены в реку Ду крестьянами.

Затем были захвачены Рошфор, Жандре, все укреплённые места, откуда могла прийти помощь; и когда всё было таким образом благоразумно устроено, город был окружён. Он защищался с твёрдой доблестью; не один штурм был отбит; но так как гарнизон не мог долго противостоять столь многочисленной армии, вожди, не имея больше возможности привести людей из Швейцарии, позаботились о том, чтобы достать немцев из Эльзаса и страны Феретт. Герцог Сигизмунд на это согласился, и этот отряд двинулся, чтобы войти в Доль. Вопреки всякому ожиданию, сеньор де Шомон не предпринял никаких усилий, чтобы остановить его проход.

Это вызвало некоторое недоверие; но нужда в помощи была так велика, что не могли решиться отказать в входе этим

немцам. Только чтобы получить некоторую гарантию их верности, под городскими воротами был поставлен алтарь: священник в облачении держал святой остиензорий; в присутствии магистратов вожди, проходя, присягали на теле Господа нашего защищать город хорошо и верно; их солдаты следовали в порядке и поднимали пики в знак одобрения присяги; жители города давали каждому кусок хлеба и стакан вина, затем усаживали их за столы, которые были расставлены.

Именно среди этого доверчивого и сердечного приёма эти немцы, подкупленные сеньором де Шомоном и даже принявшие в свои ряды много переодетых франк-лучников, начали кричать: «Город взят, Франция, Франция!» Застигнутые таким образом люди Доля защищались ещё, даже без надежды, ибо ворота были преданы, и французы прибывали. Два больших караула успели взяться за оружие и построились в боевом порядке на площади; много доблестных горожан пришли встать near них. Тогда начался кровавый бой перед церковью Нотр-Дам, где впоследствии был воздвигнут крест, чтобы освятить место, где погибло столько доблестных людей, сражавшихся за спасение и свободы своего города. Но «против сильного слабый не может», как говорилось в стихах, сложенных тогда, чтобы оплакать несчастье Доля. Всё было разграблено: жители, старики, женщины, священники и дети были убиты или рассеялись по полям и лесам; другие укрылись в церквях и были обложены выкупом; некоторые из главных горожан, сеньор де Туази и другие дворяне,

были уведены, чтобы быть переданными королю. После разграбления город был подожжён, и пощадили только дом, где остановился сеньор д'Амбуаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.